

Ольга Константиновна ЛАГУНОВА¹
Ирина Рудольфовна СМИРНОВА²

УДК 821.161.1.09

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ
ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО
ТИПА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
(Е. АЙПИН, Ч. АЙТМАТОВ, А. НЕРКАГИ)**

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
eleshenka@yandex.ru

² старший преподаватель
кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
smirnova_ir@mail.ru

Аннотация

Цель данной статьи — представить опыт трех значительных русскоязычных прозаиков последней трети XX в. в аспекте построения художественного целого онтологического типа. Анализируемые авторы являются самыми крупными величинами в трех национальных литературах северной Азии: киргизской, ненецкой, хантыйской. Типологический подход к их текстам фиксирует глобальные процессы в самосознании языческих народов и способы моделирования мира и человека в условиях сегментирования советской империи. В статье анализируются романы Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха», Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья Мать в кровавых снегах», повесть А. П. Неркаги «Молчащий» и выявляются

Цитирование: Лагунова О. К. Художественная целостность прозаического текста онтологического типа последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) / О. К. Лагунова, И. Р. Смирнова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 1. С. 121-136.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136

наджанровые механизмы текстопорождения. Исследователи предлагают концепцию предмета изучения, содержащую несколько системных положений. Так, стратегию повествования определяет установка на выражение должного бытия. С этим связан выбор авторами культурного героя, наделенного особой миссией в этом мире, что предполагает сочетание в герое избранности, посвященности и жертвенности. Эта модель может быть реализована в варианте однофигурности (Е. Айпин, А. Неркаги) и в варианте двуфигурности (Ч. Айтматов). Она же предполагает ее проецирование на природный мир, в рамках которого изображаются животные в качестве избранного. Наделенность миссией исключает отклонение от нее культурного героя в пределах горизонтального передвижения. Поэтому максимально значимыми в тексте являются знаки и формы выражения вертикальных связей (вставные конструкции типа легенды о вверх ушедшем человеке, образы птиц, дерева, огня, стрелы, поведенческие знаки: молитва, тревожность животных). Нормой раздвижения видимого времени авторами избирается мышление и изображение событий как звеньев родовой цепи, важных для судьбы всего рода, понимаемого как иноформа народа. Это снимает четкость разграничений прошлого, настоящего, будущего, создает почти физическую заполненность горизонтали изображения родовой памятью, как бы ее повседневной реальностью. В силу того, что мир для писателей тотально сакрализован, проблемы эстетического в качестве отдельной проблемы в их сознании нет: все священное уже красиво. В результате доминантными при моделировании элементов художественного целого являются этические императивы, в основе которых традиционная культура народа, а значит — мифофольклорные коды, подразумевающие путь сквозь хаос к космосу, к порядку, подчиненность календарно-трудовому циклу жизни, формульность изображения и оценок.

Ключевые слова

Русскоязычная проза, онтологизм, художественное целое, космос/хаос, должное, род, память, верх/низ.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136

Проблемы феномена онтологической прозы в отечественной культуре активно обсуждаются в последние четыре десятилетия. Специалистами дебатированы вопросы генезиса онтологической прозы, ее фаз развития и их временных границ, жанрового и ценностного состава, типологии героя, сюжета, мотивной организации, иных элементов поэтики текстов, внутрисистемных течений, пересечений феномена с судьбами конкретных творческих индивидуальностей, с литературными направлениями, с аналогичными опытами в стиховой культуре и др.

Особняком в этом ряду стоят вопросы об онтологическом опыте в континентально различных национальных литературах (например, русской и американской), а также в национальных литературах периода советской цивилизации. Материал данной статьи позволяет акцентировать существенные аспекты именно последней проблематики. Широкие сопоставления здесь стали возможны в силу как многочисленности достижений в изучении русской онтологической прозы

в качестве образца для мастеров слова советской империи, так и наших предыдущих исследований полиэтнического материала литературы России последней трети XX в. [11, 14, 15, 16, 17, 18].

Цель данной статьи — ориентируясь на известный подход к произведению как к художественной целостности [8], выявить типологически значимые элементы системного миромоделирования в онтологической прозе трех русскоязычных мастеров слова народов северной Азии, объединяемых языческой традиционной культурой. Материалом анализа стали два романа киргизского писателя Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день» [4], «Плаха» [5], два романа хантыйского прозаика Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» [3], «Божья Матерь в кровавых снегах» [1], а также повесть тундровой ненки А. П. Неркаги «Молчащий» [21].

К художественному воплощению модели единой Вселенной, модели «должного человеческого бытия» стремится онтологическая проза второй половины XX столетия [6]. «Должное» бытие в произведениях представителей разных национальных культур (Распутина, Айтматова, Айпина, Астафьева, Неркаги и др.) возникает как антитеза бытию «сущему», для которого сам факт существования того, что именуется моралью и нравственностью (в высшем, божественном смысле), представляется абсурдным.

«Должное» бытие — это бытие, где все упорядочено. Всегда все было упорядочено в пространстве Верха, в сознании верующего, в природном мире. Когда-то мир был гармоничен. «Все было естественно в этом мире, — отмечает Г. А. Белая, — и рождение, и смерть, все имело свое видимое начало и должно было иметь свой, много раз виденный в природе конец. Драматизм смерти снимался известностью этого явления, равной силой его действия на всех, и еще тем, что жизнь в природе своей совершенно очевидно имела разные стадии: зарождения, цветения, угасания... Недостойно человека забывать все это, хотеть, „загородев“, перепрыгнуть через законы природы» [6, с. 131, 132].

Память о Вверх Ушедшем Человеке в романе Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» не примиряет героя с реальностью, но позволяет по-иному воспринимать противостояние того, что было, тому, что стало. Не случаен в этом плане один из эпиграфов к роману из Хэмингуэя: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Реальность подвела человека к черте, отделяющей жизнь от не-жизни, но легенда наполнила не-жизнь особым смыслом. Герою захотелось оставить землю, но так, чтобы вернуться, чтобы восстановить истину непрерывания жизни. Путь Вверх — это путь избранных, кто не потерял душу, нашел свое место в пространстве Земли и Неба. Одно мгновение, зафиксировавшее путь к не-жизни снова и снова к жизни, стало пространством встречи Земли и Неба. Почувствовав себя Звездой Утренней Зари, Демьян ощутил, что он находится в середине пространства между Небом и Землей: «Теперь Небо и Земля смотрят на него так, словно он стал их центром» [3, с. 422]. Герой понимает: надо оторваться от Земли, чтобы ушла ничем не усмиряющаяся боль, чтобы пришли

утро, солнце, день. Человек-Звезда концентрирует в себе одновременно Смерть — Рождение — Возрождение. В высказывании Хэмингуэя речь идет о Человеке вне каких-то конкретных его характеристик и точных пространственно-временных координат нахождения. Слова «уничтожить» и «победить» в данном случае противопоставлены. Именно это противостояние становится основой творения, творения новой, качественно иной реальности, которую декларирует легенда о Вверх Ушедшем Человеке: «...чтобы не брали в дальний путь ничего лишнего и нечистого, чтобы все дела и помыслы в дороге, называемой жизнью, были бескорыстными и чистыми, чтобы следующим поколениям проложили ничем не запятанный след» [3, с. 178]. Смена форм существования героя (Человек-Звезда Утренней Зари) утверждает вечный круговорот. В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина отмечают особенности представлений хантов о жизни/ не-жизни: «Если человек умер, значит он перешел в другое бытие. <...> Умер — значит потерял способность двигаться. Но в мире небытия к человеку эта способность возвращается. <...> ...вечное движение, вечное перевоплощение одного в другое. <...> ...если невидимый дух вселился в неживой предмет, то последний стал живым» [12, с. 103-104, 107]. По представлениям хантов, жизнь и смерть не исключают одно другое, а «одновременно предполагают друг друга, ибо жизнь не кончается смертью, потому что смерть есть иной вариант жизни... Жизнь и смерть — это бесконечное чередование состояний» [20, с. 71, 73].

Выбранное героем Айпина направление движения (от Земли к Небу) и есть движение от Хаоса к Космосу (в прямом и переносном смысле). В этом же направлении перемещается герой Неркаги в повести «Молчащий», также жаждущий восстановления порядка, возвращения к «должному» существованию человечества. Текст ненецкой писательницы организует (как и текст Айпина) мифическая картина мира. В произведениях обоих авторов актуализируется мысль о том, что граница между живым и мертвым очень хрупка, что переход из одного пространства в другое может быть (так и происходит) достаточно скорым. В фольклоре и мифологии самодийских, как и угорских народов, фиксируется возможность разнообразных взаимопревращений. Поэтому так актуальны для них понятия «связь», «вечность», «бесконечность», «беспрерывность» и т. д. Поэтому слово «конец» обозначает лишь завершение какого-то этапа существования, за которым начнется другой. Судьба главного героя повести Неркаги, постоянно находясь на пересечении жизни и смерти, приводит его к той точке, когда смерть становится гарантом нового рождения, физического и духовного, гарантом превращения из молчащего в призывающего, из жителя подземелья в Небожителя, из уроды-получеловека в удивительной красоты существо, сохранившее что-то от человека, обретшее что-то от Всевышнего. В мифологии, пишет Е. М. Мелетинский, достаточно распространен сюжет о превращении хаоса в космос путем преобразования убитого антропоморфного существа. «Прототипом» сюжета «создания мира из тела убитого живого существа» является жертвоприношение. Есть примеры творения силой мысли и слова. Хаос обычно констатируется как мрак, ночь, пустота, бездна, вода, в виде

отдельных демонических существ. Превращение хаоса в космос «оказывается переходом от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию» [19, с. 206].

Герои, мечтающие вернуть порядок в мир, в котором они живут, убеждены, что их взаимоотношения с этим миром-хаосом находятся в стадии противостояния, что исправить его может только налаживание с ним связи. Тогда противостояние обернется творением «должного» бытия. Герой Айпина осознает необходимость сохранения связи каждого со всем миром, Вселенной. В противном случае неизбежно вторжение и укрепление в своем пространстве Безумного Времени, когда «одна потеря вызовет другую, другая — третью, третья — четвертую... И так пойдет по цепочке» [3, с. 348]. Если этот процесс не остановить, наступит конец всему. А это значит, останется только боль, но особая боль, так как она становится знаком не приближающегося конца, а продолжения жизни. «Человек жив, — пишет Ю. Вэлла, — пока чувствует на душе боль. Душевная боль передается по наследству. Наследственная боль — это и есть та нить, которая связывает человека с родиной. Перестанет болеть душа, значит нет твоей родины» [7, с. 91]. Связь для героев, вставших на путь от Хаоса к Космосу, — это суть бытия, ядро модели мира, который принимает тебя и который принимаешь ты.

Герои Айпина, Неркаги, Айтматова понимают, как важно быть «услышанным наверху». Поэтому взоры и жесты Демьяна и Молчащего — к Небу, разговоры, мысли и призывы Авдия и Матери Детей — к Божьей Матери и Богу. Они осознают необходимость перехода каждого от «я» к «мы», что возможно только тогда, когда каждого пронзит чувство братства, общности. Молчащему удалось после многочисленных попыток пробудить его хотя бы в маленькой горстке скопийцев. Демьян перемещается в пространство Верха, чтобы возвестить человечеству о новой (по сути старой — «должной») жизни. Мать Детей молит всемогущих, чтобы они, объединившись, сохранили и донесли дыхание ее последнего младенца до людей, которые помогут не только ее сыну, но и ей, жаждущей выжить во имя справедливой мести за родных. Авдию было не сложно ощутить себя частью общности людей, объединенных верой, песней, несущих другим умиротворение и радость. Практически неговорящий Молчащий и многоговорящий Авдий убеждены, что вызволить души из-под власти порока, повернуть их к свету может только слово, потому что в слове, идущем от истины, подлинной и безупречной любви, живет Бог. Мотив высвобождения души от порока заостряет ситуацию противостояния Авдия и Молчащего тем, кто, вдохнув первый глоток свободы, от второго отказаться уже не в силах, тем, чьими делами и мыслями правит Дьявол.

У героя Айтматова есть возможность участия в словесном поединке с неправедными, герои Неркаги и Айпина в силу разных причин и обстоятельств этой возможности либо лишены, либо не используют ее. Авдия и Молчащего сближает и то, что оба они чужие не только среди своих, но и среди чужих же. Молчащего отвергли родители, не приняло Скопище. Авдий размышляет: «Я

иду одиноко по знакомым улицам, как будто бы сторонний человек... как будто бы я здесь не родился и вырос, так пусто и отчужденно на душе моей» [5, с. 37]. Авдий пытается убедить милиционеров в том, что он один из пойманных «гонцов». Он требует ареста и наказания. Он за тех, кто не собирается каяться, говорит: «Мы покаемся в своих грехах, и это послужит нам очищением!..» [5, с. 167]. Служители закона принимают его за сумасшедшего. Только безумный готов добровольно разделить тяжелую вину других, рассчитывая, что это, возможно, подтолкнет их к покаянию. И Авдий, и Молчащий готовы многое вытерпеть не за, не для себя, а за и для заблудившихся. И их терпение дало пусть малые, но плоды. Оглушенные услышали, ослепшие прозрели. Все «гонцы» отреклись от Авдия коротким «не наш», и плач одного из них (Леньки) был, вероятно, плачем покаяния. Но несмотря ни на что именно безумное желание привести людей к очищающему душу пониманию своей вины, неправоты приводит обоих избранников к гибели. И Авдий, и Молчащий обречены на горе не от ума, а от веры, от добродетели, от жажды спасти мир.

С хаосом, поглощающим мир, связаны образы «огненной пропасти», тартарары, куда все «летит» и «низвергается», образ расколовшегося на части неба, откуда упали на Скопище «куски огня», образ пространства, в котором соединились «горящее небо» и «пылающая земля». Ослепительный лунный свет высвечивал распятую человеческую фигуру. Небесный огонь поглотил кучку прозревших скопийцев. Для Авдия это был свет, уводивший его из земного бытия. Для скопийцев свет огня — свет, спасающий их души. Ни один из избранных, каким бы физическим или моральным унижением и испытаниям он ни подвергался, не просил о пощаде. Авдий — герой сомневающийся, ищущий, мечущийся в поисках себя из одного времени в другое, возвращающийся неизбежно в «то начало, от которого через все круговращения времени протянулась нить к его судьбе» [5, с. 150]. Героям Айпина и Неркаги сомнения чужды. Боль от увиденного, возникшая в начале пути Демьяна, усиливающаяся от мыслей о том, что прежний мир рушится, что нить, соединяющая всех (все) со всеми (всем), обрывается, приводит героя к решению покинуть землю, по которой расплзается нечистота. Он не строит иллюзий насчет «гостей»: их уже никто и ничто не остановит. Его решение уйти не спонтанно при всем наличии конкретного толчка. Оно — результат дум, одолевающих Демьяна на протяжении всего пути.

Не раз возникающий в произведениях Айпина, Айтматова, Неркаги образ птицы связан с мотивами верха и низа, вознесения, возрождения, жизни и смерти, вечности. Человек и птица часто взаимодействуют, наблюдая друг за другом, проникая в пространство друг друга, думая друг о друге, перевоплощаясь один в другого. Не птица, но человек склонен желать переместиться из привычного для него земного мира в мир небесный, полагая, что там он будет более свободным, независимым, малодоступным. За счет этого перемещения человек получает уникальную возможность как бы из космоса посмотреть, даже повлиять на то, что происходит на земле. Коршун в романе «И дольше века длится день» ежедневно поднимается с гнездовья с обрыва Малакумдычач, чтобы посмотреть

на встречаемые героем реалии техногенной цивилизации, превращающие когда-то наполненную живыми звуками и красками территорию в пространство, разрезанное просеками, дорогами, трубопроводами, «продырявленное» буровыми, наполненное скрежетом, грохотом, лязгом всевозможной техники. Чужие не на своей Земле творят, что считают нужным, не сообразуя свои деяния с теми, для кого эта Земля своя. Следы-линии напоминали Демьяну стрелу, наконечник которой был направлен на его землю, его жизнь: «свежая, еще не остывшая борозда [след самолета] стрелой уходила в сторону зимовья» [3, с. 188]; «...самолет... привез пузатые бочки на Родниковое озеро. ...Мысль о бочках тронула внутренний огонь, огонь острия стрелы, направленной на его зимовье. <...> У него было такое ощущение, что он стоит под стрелой самострела — одно неверное движение — и он заденет нить-насторожку, и тугая тетива выпустит стрелу» [3, с. 226]. Стрела у обских угров — «этнопоказательная вещь». По стрелам предсказывали будущее, гадали о затмениях, бедствиях [13, с. 5, 6]. Стрела была орудием совершения жертвоприношения. Как и лук, она имела особое символическое значение на Медвежьем празднике. На луке и стреле совершались клятвенные церемонии [10, с. 137].

В романах Айпина и Айтматова поруганные Земля и Небо еще сопротивлялись чужому, платя за это сопротивление дорогую цену: «Саванна платила богам кровавую дань за то, что оставалась саванной» [4, с. 24]. Завладевающий первозданной саванной «всеподавляющий», «гремучий» рокот надвигался над всем «неотвратимой грозной силой, что казалось, еще немного — и случится что-то страшное» [4, с. 3]. Во всех текстах в начале повествования в эпицентре катастрофы оказывается прежде всего природный мир: реки, боры, волки, лисы, птицы, олени, собаки. Именно они, обреченные не на жизнь, обостренно чувствуют мощь силы, которая разрушает или уже разрушила их мир. Земля, всегда бывшая их заступницей, теперь бессильна, теперь не может помочь. Волчица Акбара думает: «...ведь не расступится же земля, чтобы дать укрытие гонимым» [4, с. 4]. Накануне отъезда Демьяна старый пес Харко вдруг завыл: «...чтобы выла на утренней заре?! Что-то не помнится, Харко никогда зря не воет. А беспричинный вой — плохая примета. <...> Что же беспокоит Харко? <...> Вслед хозяину воет... Это плохо» [3, с. 180, 186]. И взгляд пса, полный тоски, настораживал старого охотника. Когда хозяйка погладила Пеструху между рогов (из-за которых олениху и убьют «гости»), «на мгновение в доверчивом, широко распахнутом глазу мелькнул бледный лик с тоскливым взором — женщина невольно отпрянула» [3, с. 184]. И маленький олененок Пев, от которого отрывали мать, «тревожно хоркнул» и «светлой мордочкой прижался к теплому боку матери Пеструхи. <...> Пеструха тоже оглядывается и хоркает. Наверное, что-то говорит сыну-олененку» [3, с. 185, 186]. Мечущийся по коралю олененок, тоскливый вой Харко, взгляд собаки и Пеструхи предупреждают о катастрофе. Даже неродившиеся детеныши Акбары в ее утробе почувствовали опасность: «они пережили в возникающем, смутном, утробном подсознании тот же шок, то же отчаяние, что и она сама. То было их первое заочное соприкосновение с

внешним миром. Оттого они и задыхались в чреве, отвечая так на материнские страдания. Им тоже было страшно, и страх тот передался им материнской кровью» [5, с. 5] Жизнь «великой азиатской степи», бескрайней северной земли издавна упорядочила отношения природного и человеческого миров. Они не мешали друг другу, пока в человеке не проснулся варвар и агрессор, возомнивший себя всемогущим хозяином не своего пространства.

Авдий, Молчащий, Демьян проходят каждый свой Путь к жизни после смерти. Эти герои мыслят категориями космического масштаба, выводящими человеческое сознание во вневременное и внепространственное бытие. Не раз оказываясь на зыбкой грани, отделяющей жизнь от смерти, Авдий вспоминает молитву, которую любил отец. Это молитва — плач одной монахини, бывшей воспитанницы, а впоследствии воспитательницы детского дома. Айтматовым приводится сначала весь текст, затем фрагмент «документа души». Молитва — обращение к Всевышнему о милости не к себе, а к тем, кого нет. «Прошу лишь об одном: яви такое чудо: пусть тот корабль плывет все тем же курсом прежним изо дня в день, из ночи в ночь, покуда день и ночь сменяются определенным Тобоем чередом в космическом вращении Земли. Пусть он плывет, корабль тот, при вахте неизменной, при навсегда зачехленных стволах из океана в океан... <...> И пусть корабль держит путь во светлый град на дальнем скалистом берегу, хотя пристать к нему веками не дано... <...> ...Когда меня не станет и некому будет просить, пусть тот корабль плывет по океану и за пределом вечности» [5, с. 158].

Смерть Авдия у Айтматова не завершает текст: появляется новый герой, во многом похожий на Авдия, и прежде всего в стремлении вернуть мир на должную исходную точку. История Бостона — это не история еще одного странного для многих человека, это, по сути, продолжение истории Авдия. Сюжетные линии Авдия и Бостона в романе следуют одна за другой, обе сопрягаясь с линией волков. Авдий, Бостон, волки жаждали «должного» порядка в человеческом и природном мире. Отсутствие такового провоцировало противостояние и внутри, и вне каждого из миров. Вторая часть айтматовского романа завершается информацией о последней отчаянной попытке волков продлить свой род и о «страшной трагедии», которая с ними произойдет. Тема рода в первых двух частях была связана прежде всего с историей Акбары и Ташчайнара. В третьей части романа она связывает истории человеческой и волчьей семьи в буквальном смысле слова.

Бостон — уже немолодой человек. В нем есть то, что утрачено давно многими: порядочность, доброта, рвение о Земле, о деле, готовность отвечать за свои поступки. Он честен с собой, с близкими, с теми, кто рядом. Бостон — праведный человек. Именно он полон понимания и сочувствия по отношению к волчице («его душа плачет и воет вместе с волчицей» [5, с. 240]). Он теоретически и практически пытается упорядочить жизнь, но не в масштабах космических, а в границах той территории, на которой родился и вырос, того времени, в котором живет. Он не требует покаяния от других, он хочет пресечь зло, хочет, чтобы его услышали и поняли.

Потери толкают на отчаянные, диссонирующие сути человека поступки. Бостон, не склонный ни в мыслях, ни в поступках к насилию, совершает его. В ситуации противостояния злу наступает вдруг критический момент, когда жажде переделать или успокоить мир приходит на смену желание мстить. К такой крайней точке подошел Бостон после трагедии с сыном. Им был определен виновник случившегося. Он заслуживал уже не порицания, не осуждения, а жестокого суда. Бостон, правильный человек, дал себе право распорядиться чужой жизнью. Его путь к порядку — через смерть носителя зла: «...Бостон вдруг понял, что с этой минуты он преступил некую черту и отделил себя от остальных... <...> ...Он понял, что отныне он отлучен от них навсегда... как если бы он воскрес из мертвых и тем уже был страшен для них» [5, с. 284]. Исход жизни, когда герой острее, чем прежде, ощутил свою связь со всем в мире, известил его о том, что связь оборвалась, что его вселенная рассыпалась и «не возродится ни в ком и ни в чем» [5, с. 284-285].

Изображение противостояния сущего и «должного» в произведениях Айпина, Айтматова, Неркаги актуализирует мотив спасения. У каждого свой «предмет» и опыт спасения, но спасти всех тех, кто в этом нуждался, не удалось никому. Волчица и волк не спасают своих детенышей. Авдий не спас «гонцов», участников облавы. Бостон не спас Эрназара, Матерь Детей — своих четырех наследников и т. д. Одни герои ставят перед собой глобальные, вселенского масштаба задачи: спасти веру, Учителя (Авдий), Землю (Демьян), народ (Молчаший). Масштаб задач других иной: спасти семью, близких, сподвижников, животное, заблудившихся «чужих» и т. д.

Не случайно все молитвы в «Плахе» о спасении. Молитва монахини — о спасении погибших на корабле. Акбара молит богиню волков о спасении от людей, от невыносимых мук и страданий, от пространства, в котором волкам нет больше места. «Перевальная» молитва, которую вспомнил Эрназар, спасала людей от всевозможных напастей и бед во время переходов через перевалы. Бостон размышляет: «когда речь идет о жизни, человека ничего не может испугать, ему всюду дорога — в море, под землей, в небе» [5, с. 243]. Когда он пытался помочь Эрназару, рискуя сам свалиться в расщелину, «какая-то сила помогала ему двигаться, заставляла дышать» [5, с. 245]. И хотя высшие силы не поддержали Бостона, и хотя невольно он «вскричал»: «Ты разве не слышал наших заклинаний?! Что же ты наделал и кто ты есть после этого?!» [5, с. 246-247], но «верить в чудо», чудо спасения человека герой не перестал.

К всемогущим, поруганным и оскверненным чужим обращены мольбы о спасении, возрождении. Только на их помощь они могут рассчитывать. Молитвы Матери Детей — о спасении каждого ребенка. Обещая смертельно раненой дочери Анне жизнь, женщина обращается к Небу, солнцу, Торуму. Себеруй отдает покидающей его, обрекающей на сиротство дочери родовых идолов, которые, возможно, разбудят в ней генетическую память предков. Разорванного на куски Молчашего поддерживает невероятная сила, сохраняя в нем самое главное — взгляд и голос. Взор Демьяна в последние минуты земной жизни обращен

к Небу, которое может его принять и возродить. Героиня повести «Белый ягель» просит помощи у всесильного огня, ему вручая судьбу непокорного сына, и т. д. Род — исходная точка самосознания многих народов. Род — основа, на которой складывались «обширные соединения самоедов и вырастали племена» [9, с. 56]. Первое, что вызывает интерес при знакомстве, какого ты рода. В ненецком фольклоре если под ударами врагов гибнет какое-либо стойбище, значит, гибнет весь род, какая-нибудь героиня просит воителей оставить в живых хотя бы люлечного младенца, чтобы «не погас очаг» этого рода [9, с. 48, 49]. Иметь наследника — «высшее благо». «Он хотел любить жену и малыша, — читаем о Бостоне, — а сверх того ничего не требовал и не желал от жизни, ибо разве это не высшее благо, ниспосланное нам» [5, с. 263]. Чувство к малышу было «превыше слов, ибо в мальчике он видел себя в боге данной невинной, ребячьей ипостаси» [5, с. 267]. Не случайно в название ряда произведений писателей-онтологов вынесено слово «род»: «Конец рода Лагермов», «Анико из рода Ного». Одна из публицистических статей Айпина называется «И уходит мой род». Автор приводит удручающую статистику, демонстрирующую интенсивное вымирание многих родов, поименно перечисляет ушедших в Нижний мир своих сородичей, оговаривая причины ухода: утонул, замерз, убит выстрелом, в пьяном виде заснул и не проснулся. В свои сорок лет автор ощущает себя «тенью», «миражом», «привидением»: «Я есть — и меня нет... <...> ...Я, подобно многим своим сородичам-родственникам, однажды — а может быть, и дважды или трижды — уже уходил в Нижний мир, умер. <...> Почему мои сородичи преждевременно ушли в мир иной? Быть может, потому, что они лишились жизненного пространства, им не осталось места на земле. Для жизни. Для дыхания. Для радости и горести» [2, с. 127].

С живыми становится трудней дышать, тесней жить. Но в этом мире должно удержаться, удержавшись, попытаться снова вывернуть его изнанку на лицевую сторону. Неслучайно потому избранные герои прямо или опосредованно сравниваются либо ощущают себя той субстанцией, которая олицетворяет вечную жизнь. Распятый Авдий показался Акбаре похожим на птицу, застрявшую в ветвях. Демьян ощутил себя Звездой Утренней Зари. Молчащий напоминал то птицу, то дерево. Мать Детей, упав на тело убитой дочери, лежала распластавшись, «подобно подбитой птице» и т. д. Птица и дерево в мифологии — важнейшие составляющие модели мира. Они вносят момент движения в картину мироздания. Представление об изменении качества жизни связано с перемещением именно в вертикальном пространстве. Все сравнения и уподобления соединяют сферы небесную и земную, что акцентирует идею бесконечности бытия, вечности круговорота жизни, неизбежности возвращения сошедших с праведного пути к исходной точке «должного» бытия. Казалось бы, все делается для того, чтобы связи укрепить, и не только в масштабах планеты, но и Вселенной. Строятся железные дороги, отправляются в космос ракеты. Но поезда увозят от прошлого, от родственников, родных мест, увозят туда, откуда не возвращаются. Отправляясь в путь, герои не знают, приобретут они или потеряют. Люди, как и животные, ока-

зываются в эпицентре хаотичного сплетения обретений и потерь, покоя и напряжения, понятного и непостижимого. Земляне, все более отдаляясь от должного порядка, постепенно вообще теряют представление о нем.

В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» герой готов, преодолев немалое расстояние, оставить земной шар, стать Звездой во имя торжества новой (по сути старой) жизни. В финале романа «И дольше века длится день» земля взбудоражена взлетающими ракетами, небо «обвалилось на голову, разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма» [4, с. 469]. Огонь, обрушившийся с Неба на Скопище («Молчащий»), должен очистить землю от несправедности, восстановить порядок. В романе Айтматова горящие небеса поглощают последнюю надежду на правильный завтрашний день: «Человек, верблюд, собака — эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страшась расстаться друг с другом, они бежали по степи, безжалостно высветляемые огненными сполохами... Но как долго бы они ни бежали, то был бег на месте, ибо каждый новый взрыв накрывал их с головой пожаром всеохватного света и сокрушающего грохота вокруг... А они бежали — человек, верблюд и собака, бежали без оглядки» [4, с. 469]. И почудилось человеку, что летит рядом с ними птица, «некогда возникшая из белого платка Найман-Аны, когда она падала с седла, пронзенная стрелой собственного сына-манкурта... Белая птица быстро полетела рядом с человеком, крича ему в том грохоте и светопреставлении: „Чей ты? Как твое имя? Вспомни свое имя!“» [4, с. 469]. Реальность, фантастика, мир мифов и сказок хаотично переплелись. И эта причудливая «смесь» зывала к одному — к памяти как охранному щиту жизни.

Преображение, превращение, восхождение — это то, что лежит в основе представления угорских и самодийских народов о мире. В роман Айтматова «И дольше века длится день» включена «фантастическая фантастика». Сюжету-движению по Земле сопутствует сюжет-движение от Земли. Один насыщен воспоминаниями о прошлом, в котором было все — радующее и омрачающее. Второй устремлен в будущее, ставшее вдруг реальностью сегодняшнего дня, сулящей только радости. Перебирающий свое и чужое прошлое Едигей ни от чего не отказывается, не исключает из памяти, каким бы печальным оно ни было. Те, в чьих руках (в прямом смысле) оказалось будущее, сознательно отторгли его, выстроили надежный заслон всеобщей любви и взаимопониманию, тем самым возвращая себя и всех в мир хаоса и беспамятства. В произведениях Айпина и Неркаги земное и небесное пространство не заняли позицию противостояния друг другу. В финалах романов Айтматова это противостояние стало еще более ощутимым. Герои Айпина и Неркаги сознательно, добровольно, подталкиваемые угрозой усиления противостояния всего всему, разочаровавшиеся в теряющем смысл движении по земле, устремляются вверх, уповая на поддержку и защиту именно оттуда. В романе Айтматова «И дольше века длится день» земля охватила паника от как бы ожидаемой, но ставшей неожиданной реальной готовности Верха помочь в установлении на земле «должного» порядка. И поднимающиеся в небо ракеты символизируют в фи-

нале не движение к благу и за благом, а возвращение к миру, в котором силу набирают радиоуправляемые существа, которым нечего будет ответить на вопрос птицы Доненбай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах / Е. Д. Айпин. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 304 с.
2. Айпин Е. Д. И уходит мой род / Е. Д. Айпин // Народов малых не бывает. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 127-141.
3. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари / Е. Д. Айпин // Айпин Е. Д. Клятвопреступник. М.: Наш современник, 1995. С. 175-423.
4. Айтматов Ч. Т. И дольше века длится день / Ч. Т. Айтматов // Айтматов Ч. Т. Роман. Повести. Л.: Лениздат, 1982. С. 173-470.
5. Айтматов Ч. Т. Плаха / Ч. Т. Айтматов. Алма-Ата: Зажуши, 1988. 288 с.
6. Белая Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. М.: Наука, 1983. 191 с.
7. Вэлла Ю. К. Белые крики: Книга о вечном / Ю. К. Вэлла. Сургут: Северный дом, 2000. 168 с.
8. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман. М.: Языки славянских культур, 2007. 560 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
9. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
10. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: в 3 т. / К. Ф. Карьялайнен. Томск: Издательство Томского ун-та, 1996. Т. 3. 264 с.
11. Комаров С. А. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2016. 200 с.
12. Кулемзин В. М. Знакомьтесь: ханты / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. Новосибирск: Наука, 1992. 136 с.
13. Кулемзин В. М. Отношение человек-вещь в хантыйской культуре / В. М. Кулемзин // Космос Севера. Вып. 3. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. издательство, 2002. С. 3-9.
14. Лагунова О. К. Онтологический дискурс и традиционный герой в рассказах В. И. Белова / О. К. Лагунова, Ю. А. Цимбалова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 3(3). С. 59-71.
15. Лагунова О. К. Память как скрепа топики в онтологической прозе народов Северной Азии последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) / О. К. Лагунова // Геопозтика писателей Сибири и Алтая. Барнаул: Издательство Алтайского ГПУ, 2016. С. 60-80.
16. Лагунова О. К. Тематизация песни в русскоязычной онтологической прозе народов Северной Азии последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) / О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 3. С. 8-22.

17. Лагунова О. К. Феномен избранничества в художественном тексте языческого типа (на материале русскоязычной прозы писателей Северной Азии 1980-х — 1990-х годов) / О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 1(1). С. 90-99.
18. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. дис. доктора филол. наук / О. К. Лагунова. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2008. 48 с.
19. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1976. 407 с.
20. Мифология хантов // Энциклопедия уральских мифологий. Томск: Издательство Томского ун-та, 2000. Т. 3. 310 с.
21. Неркаги А. П. Молчащий: Повести / А. П. Неркаги. Тюмень: Софт-Дизайн, 1996. 416 с.

Olga K. LAGUNOVA¹

Irina R. SMIRNOVA²

**THE ARTISTIC INTEGRITY OF A PROSE TEXT,
BELONGING TO THE ONTOLOGICAL TYPE,
IN THE LAST THIRD OF THE 20TH CENTURY
(E. AIPIN, CH. AITMATOV, A. NERKAGI)**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
Institute of Social Sciences and Humanities,
University of Tyumen
eleshenka@yandex.ru

² Senior Lecturer,
Department of Russian and Foreign Literature,
Institute of Social Sciences and Humanities,
University of Tyumen
smirnova_ir@mail.ru

Abstract

This article aims to present the experience of three major Russian-speaking writers of the last third of the 20th century in the aspect of building an artistic entity of ontological type. These authors are the most significant in the three national literatures of North Asia: Kyrgyz, Nenets, and Khanti. A typological approach to texts captures global processes in the consciousness of the pagan peoples and ways of modeling the world and the man in terms of segmentation of the Soviet Union. The article analyzes the novels by Ch. T. Aitmatov (“The Day Lasts More Than a Hundred Years” and “The Scaffold”), E. D. Aipin (“Khanty or the Star of the Morning Dawn” and “The Mother of God in the Bloody Snow”), and A. P. Nerkagi (“The Silent One”) in order to reveal the genre mechanisms of text composition.

The authors propose the subject of study that contains several system provisions. Therefore, the setting for the existential expression identifies the narrative strategy. This explains the

Citation: Lagunova O. K., Smirnova I. R. 2018. “The Artistic Integrity of a Prose Text, Belonging to the Ontological Type in the Last Third of the 20th Century (E. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 1, pp. 121-136.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136

authors' choice of the cultural hero, endowed with a special mission in this world; such a hero combines being chosen, consecration, and sacrifice. This model can be implemented in an embodiment of one figure (Aypin and Nerkagi) or two figures (Aitmatov). It also involves projecting on the natural world, in which animals are portrayed as the chosen ones. Being endowed with a mission prevents the hero deviating from it in the horizontal movement. Therefore, the biggest significance in the text belongs to the signs and expressions of vertical connections (inserted elements like the legend of a man who has gone up, or the images of birds, wood, fire, arrows, and behavioral signs: prayers and animals' anxiety).

As the rate of the visible time extension, the authors choose thoughts and the representation of the events as links in the ancestral chain that are important for the whole family (seen as a people's invariant). It removes the clarity of distinction of the past, present, and future, creating an almost physical filling horizontal image of the ancestral memory, as if it is an everyday reality.

As the writers perceive the world as sacral, they do not mind the aesthetic problems as a separate — everything holy is beautiful. The result is dominant (in the simulation of the elements of the stylistic harmony) ethical imperatives, based on the traditional folk culture and, therefore, the myth and folklore codes. That, in turn, implies a path through the chaos to the cosmos, to the order; subordination to the calendar life cycle, and the formality of presentation and evaluation.

Keywords

Russian prose, ontologism, stylistic harmony, cosmos/chaos, deserved, family, memory, top/bottom.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136

REFERENCES

1. Aypin E. D. 2002. *Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh* [The Mother of God in the Bloody Snow]. Yekaterinburg: Pakrus.
2. Aypin E. D. 1991. "I ukhodit moy rod" [And My Family Leaves]. *Narodov malykh ne byvaet*. Moscow: Molodaya gvardiya, S. 127-141.
3. Aypin E. D. 1995. *Khanty, ili Zvezda Utrenney Zari* [Khanty or the Star of the Morning Dawn]. In: Aypin E. D. *Klyatvoprestupnik* [A Perjurer], pp. 175-423. Moscow: Nash sovremennik.
4. Aytmatov Ch. T. 1982. "I dol'she veka dlitsya den'" [The Day Lasts More Than a Hundred Years]. In: Aytmatov Ch. T. *Roman. Povesti* [Novel. Stories], pp. 173-470. Leningrad: Lenizdat.
5. Aytmatov Ch. T. 1988. *Plakha* [Scaffold]. Alma-Ata: Zazhushi.
6. Belaya G. A. 1983. *Khudozhestvennyy mir sovremennoy prozy* [The World of the Contemporary Prose]. Moscow: Nauka.
7. Vella Yu. K. 2000. *Belye kriki: Kniga o vechnom* [The White Screams: The Book on the Eternal]. Surgut: Severnyy dom.

8. Girshman M. M. 2007. Literaturnoe proizvedenie: Teoriya khudozhestvennoy tselostnosti [Work of Fiction: The Theory of Artistic Integrity]. Series "Kommunikativnye strategii kul'tury". Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Golovnev A. V. 2004. Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor [Nomads of Tundra: The Nenets and Their Folklore]. Yekaterinburg: UrO RAN.
10. Karyalaynen K. F. 1996. Religiya yugorskikh narodov [The Religion of the Yugra Peoples] in 3 vols. Vol. 3. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta.
11. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2016. Literatura Sibiri: missiya, etnichnost', aksiologiya [Siberian Literature: The Mission, Ethnicity, and Axiology]. Tyumen: UTMN Publishing House.
12. Kulemzin V. M., Lukina N. V. 1992. Znakom'tes': Khanty [Introducing the Khanty]. Novosibirsk: Nauka.
13. Kulemzin V. M. 2002. "Otnoshenie chelovek — veshch' v khantyyskoy kul'ture" [The Human — Thing Relations in the Khanty Culture]. In: Kosmos Severa, vol. 3, pp. 3-9. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo.
14. Lagunova O. K., Tsimbalova Yu. A. 2015. "Ontologicheskii diskurs i traditsionnyi geroy v rasskazakh V. I. Belova" [Ontological Discourse and the Traditional Hero in the Stories by V. I. Belov]. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 1, no3, pp. 59-71.
15. Lagunova O. K. 2016. "Pamyat' kak skrepa topiki v ontologicheskoy proze narodov Severnoy Azii posledney treti XX veka (E. Aypin, Ch. Aytmatov, A. Nerkagi)" [The Memory as a Topical Brace in the Ontological Prose of the Peoples of Northern Asia in the Last Third of the 20th Century (E. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)]. In: Geopoetika pisateley Sibiri i Altaya, pp. 60-80. Barnaul: Izd-vo Altayskogo GPU.
16. Lagunova O. K. 2016. "Theming Lyrics in the Russian Language Ontological Prose of Northern Asia the in Last Third of the XX Century (Ye. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 3, pp. 8-22. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-8-22
17. Lagunova O. K. 2015. "Phenomenon of a Chosen Person in a Literary Text of a Pagan Type (Based on Russian Prose Writer of North Asia 1980-1990)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 1, no 1, pp. 90-99.
18. Lagunova O. K. 2008. "Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)" [The Phenomenon of Creativity of Russian Nenets and Khanty Writers in the Last Third of the 20th Century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Dr. Sci. (Philol.) diss. abstract. RGPU im. A. I. Gertsena. Saint Petersburg.
19. Meletinskiy E. M. 1976. Poetika mifa [The Poetics of a Myth]. Moscow: Nauka.
20. Izd-vo Tomskogo un-ta. 2000. "Mifologiya khantov" [Khanty Mythology]. In: Entsiklopediya ural'skikh mifologiy, vol. 3. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta.
21. Nerkagi A. P. 1996. Molchashchiiy: Povesti [The Silent One: Stories]. Tyumen: Soft-Dizayn.